

Проучившись несколько дней, Е Цзюньшу привык к ритму и начал вести размеренную жизнь по маршруту «дом — академия». Дед и внук Нань вели себя в доме тише воды ниже травы. Если бы Лу-гэр изредка не упоминал о них, а сам Цзычжоу по вечерам не встречал Нань Чэнхэ, он бы и вовсе забыл об их существовании.

Из-за подготовки к занятиям Е Цзюньшу начал ложиться поздно. Чтобы сохранять бодрость днем, он ложился около одиннадцати вечера — по сравнению с прежним привычным сном в семь-восемь часов это было действительно поздно.

Закончив переписывать задание, Е Цзюньшу решил дать глазам отдохнуть. Гуляя по двору при свете луны, он сам не заметил, как забрел в западную часть поместья. Там он увидел Нань Чэнхэ, который в углу двора отрабатывал удары. Приемы показались знакомыми. Присмотревшись, Е Цзюньшу понял, что это движения, которые Сяо Шань тренирует по утрам.

Мальчик, видимо, плохо их запомнил, поэтому движениям не хватало четкости, они были неточными, а порядок их был перепутан. Кулаки свистели в воздухе с большой силой, но ошибок было пруд пруди.

Е Цзюньшу не выдержал и произнес:

— Неправильно.

Услышав голос, Нань Чэнхэ мгновенно замер. Он резко обернулся и, увидев Е Цзюньшу, пришел в полное замешательство.

— Старший господин... — испуганно выдохнул он, бегая глазами.

Видимо, считая семью Е своими спасителями, этот ершистый паренек относился ко всем домочадцам с глубочайшим почтением. Нань Чэнхэ с глухим стуком упал на колени и, дрожа всем телом, прошептал:

— Старший господин, я виноват! Молю, не прогоняйте нас!

Мальчик понимал: таких добрых хозяев не найти. Если его со старым амэ снова выставят на продажу, им не выжить. Новые хозяева кормили и поили их досыта, позволили амэ спокойно лечиться, а маленькие господа были добры и играли с ним. Это время было самым счастливым в его жизни. И вот теперь он нарушил запрет (подсмотрел чужую технику). Мысль о возвращении к неопределенности рабских рынков заставила его отчаянно бить челом о землю.

Е Цзюньшу вовремя подхватил его, не давая расшибить лоб, и поднял на ноги. Он внимательно осмотрел его. Доверяя интуиции Лу-гэра и будучи занятым учебой, он до сих пор не изучал этих двоих внимательно. За время жизни в доме Е паренек отъелся, перестав напоминать того скелета из Малого переуллка; цвет лица улучшился, хотя он остался таким же смуглым, а в ясных глазах сейчас плескался ужас.

Все-таки он был ребенком. Сердце Е Цзюньшу смягчилось.

Он невольно подумал: «Неужели я такой страшный?» В глазах людей этой эпохи раб, втайне разучивающий боевое искусство хозяев, совершал дерзость и преступление. За такое могли и продать, и палками забить. Но Е Цзюньшу посмотрел на это иначе: парень был амбициозен. Он всё еще не привык к жесткому сословному делению.

Лицо Цзычжоу оставалось бесстрастным. Он сухо спросил:

— Сколько тебе лет?

— Одиннадцать.

Е Цзюньшу удивился. По виду и не скажешь — мальчик был младше Сяо Шаня всего на год с лишним, но выглядел гораздо мельче. Он-то думал, ему от силы восемь-девять.

— Хочешь учиться боевым искусствам?

Нань Чэнхэ осторожно взглянул на него и, стиснув зубы, выпалил:

— Да!

— Зачем тебе это? — снова спросил Е Цзюньшу.

Мальчик сжал кулаки, решив идти до конца. Он поднял голову и твердо сказал:

— Я не хочу больше жить жизнью, где любой может меня унижить! Я хочу стать сильным, чтобы никто больше не смел обижать меня и моего амэ!

Едва сказав это, он словно погас. Весь его боевой задор исчез, он поник, ожидая приговора. Е Цзюньшу погладил Нань Чэнхэ по голове, слегка надавливая ладонью:

— Когда добьешься успеха и выбьешься в люди, сможешь выкупить у меня свою вольную.

Нань Чэнхэ недоверчиво вскинул голову.

— У меня лишь одно требование: ни при каких обстоятельствах ты не должен делать ничего, что пошло бы во вред семье Е. Справишься?

Глаза мальчика расширились. Он отступил на пару шагов, снова опустился на колени и трижды звонко ударился лбом о землю. Затем он указал в небо и поклялся:

— Я, Нань Чэнхэ, клянусь жизнью: вовеки веков я не совершу ничего, что навредило бы семье Е. Если я нарушу клятву — пусть меня поразит гром и я умру лютой смертью!

В эпоху, когда люди трепетали перед духами и богами, такая клятва была высшим доказательством решимости. Е Цзюньшу поверил, что не ошибся в нем.

— Через несколько дней ты отправишься в военную академию вместе с Сяо Шанем в качестве его книжного отрока (шутун).

Сяо Шань к тому времени уже согласился поступать. Обучение там предполагало проживание в общежитии из-за утренних тренировок, но дважды в месяц разрешалось возвращаться домой. Е Цзюньшу считал это отличной закалкой. Сяо Шань шел в средний класс, и ему разрешалось взять с собой спутника, нужно было только доплатить...

— Твое жалование пойдет в счет оплаты твоего обучения.

Кормить большую семью было непросто, и Е Цзюньшу приходилось быть расчетливым. Каким бы не по годам взрослым ни казался Нань Чэнхэ, он оставался ребенком. Повидав в жизни много горя и холода, он был до глубины души тронут такой добротой хозяина.

Он вытер глаза и шмыгнул носом:

— Да, старший господин. Вы очень добрый человек.

— Уже поздно, возвращайся спать.

Получив «карточку доброго человека», Е Цзюньшу похлопал Нань Чэнхэ по худому плечу и вернулся в восточный флигель. Из-за этой заминки время пролетело незаметно, и он сразу лег в постель.

Прошло еще около десяти дней. Болезнь Нань Жуна благодаря тщательному уходу отступила, он окреп и сам пришел к Е Цзюньшу. Его седые волосы были уложены волосок к волоску, лицо после периода восстановления порозовело, а в глазах появился блеск — он стал выглядеть минимум на двадцать лет моложе.

Увидев Е Цзюньшу, он первым делом отвесил глубокий, безупречно исполненный поклон. Е Цзюньшу, чей кругозор за последние месяцы значительно расширился, сразу узнал в этом официальный этикет, принятый среди слуг в знатных домах. Не до конца понимая цель визита Нань-амэ, он продолжал сидеть молча, сохраняя загадочный и невозмутимый вид.

Закончив церемонию, Нань-амэ почтительно произнес:

— Не стану скрывать от старшего господина: старый раб был наставником-момо в доме высокопоставленных особ. Из-за интриг в личных покоях меня сделали козлом отпущения и выставили на продажу. Клянусь жизнью, я никогда не покушался на чужую жизнь по своей воле. Старший господин — человек великих дел, но между мужчинами и гэрами есть разница, и в некоторых вещах неизбежны упущения. Надеюсь, господин доверит маленьких господ моему воспитанию. Старый раб не подведет ваших ожиданий.

Е Цзюньшу был тронут. Он и не подозревал, что Нань-амэ подметил эту деталь. И правда: он относился ко всем детям одинаково, не делая различий между мальчиками и гэрами. Для него они были равны, но в эту эпоху подобные взгляды считались крамольными.

В душе его боролись противоречия: с одной стороны, он хотел, чтобы гэры жили свободно, с другой — боялся, что из-за отсутствия должного воспитания их станут презирать, обсуждать за спиной, и им будет трудно найти достойных мужей.

Цзычжоу изрядно переживал по этому поводу, но, не имея опыта, не знал, как воспитывать гэров. И тут выясняется, что Нань-амэ — профессиональный наставник. Это было как раз то, что нужно. К тому же, он изначально покупал людей для помощи с детьми.

В душе Е Цзюньшу ликовал, но внешне оставался строгим:

— Мне не важно, кем ты был раньше. Но помни: теперь твой хозяин — семья Е. Я не потерплю слуг с двойным дном. Ты сам должен понимать, как себя вести.

Нань-амэ стал еще более почтительным:

— Слушаюсь, старший господин. У старого раба никогда не будет дурных помыслов.

— С этого дня ты будешь подле Лу-гэра. За остальными детьми тоже можешь присматривать, но уясни: мы в семье Е — люди простые, крестьянского рода. Ты можешь обучать гэров правилам жизни, но я не позволю растить из них затворников, которые носа на улицу не кажут, или высокомерных гордецов с пустыми мечтами. Ты понимаешь меня?

— Старый раб понимает, будьте спокойны.

Суть наставления была проста: сохранить в гѣрах крестьянскую искренность и доброту, но при этом дать им понимание всех тонкостей и интриг больших домов — словом, не испортить их натуру.

Нань-амэ за долгие годы видел самых разных людей. Он понимал, насколько редки такие чистые душой дети; он готов был защищать их, а не губить. Неизвестно почему, но на каком-то мистическом уровне он чувствовал особую связь с третьим сыном, Лу-гѣром. В нем проснулись редкие для него родственные чувства и желание оберегать мальчика. Только ради этого он никогда не пошел бы против семьи Е. С того момента, как Цзычжоу выкупил их, они стали рабами этой семьи.

Е Цзюньшу наконец позволил себе слабую улыбку:

— В таком случае, поручаю детей вашей заботе. Надеюсь, вы меня не разочаруете.

— Старый раб не разочарует господина.

На третий день Сяо Шань должен был явиться в военную академию. Е Цзюньшу специально отпросился на полдня, чтобы лично проводить брата и Нань Чэнхэ. Их поселили в одну комнату в общежитии, чтобы они могли поддерживать друг друга. Осмотрев жилье и найдя его сносным, Е Цзюньшу подбодрил их парой фраз, наказал жить в гармонии и ушел под тоскливым взглядом Сяо Шаня. Там же работал дальний родственник Юй Маолиня, которого уже попросили приглядывать за ребятами. Сяо Шань был уже не мал, к тому же он мужчина — будущая опора семьи. Е Цзюньшу решил, что суровая школа пойдет ему на пользу. Пора было становиться самостоятельным.

С этого момента их быт окончательно наладился. Сяо Шань и Нань Чэнхэ ушли в академию, Нань-амэ присматривал за домом. Е Цзюньшу уходил на рассвете и возвращался на закате, выкраивая вечером время для общения с детьми. Узнав, чем они занимались днем, он полностью доверил воспитание наставнику.

У Нань-амэ была крепкая хватка: всего за пару дней он приструнил детей. Их манеры и речь стали куда изящнее, исчезли былая суетливость и крики. Характеры не изменились, но внешнее преображение было поразительным. Е Цзюньшу был очень доволен. Видимо, мастерство действительно решает всё!

Сам он с еще большим рвением погрузился в учебу, живя в режиме «приятной боли». В Академии Юнчжоу не только программа была широкой, но и экзамены сыпались один за другим. К счастью, основной упор делался на теорию и политику, а прочие искусства вроде музыки или шахмат требовалось просто понимать, не обязательно доводя до совершенства. Всего за несколько месяцев Е Цзюньшу натренировался так, что мог написать блестящее эссе, едва увидев тему. Прогресс был колоссальный.

Когда они прибыли в Юнчжоу, еще не было августа. Теперь же наступил ноябрь. Климат здесь был мягче, чем дома: похолодало лишь слегка, достаточно было сменить летнее платье на осеннее. Сегодня закончился очередной крупный экзамен, а завтра был выходной. Е Цзюньшу, Юй Маолинь и их компания договорились отправиться на садовое гулянье.

На следующий день, в начале часа Чэн (около 7 утра), они отправились в путь. Местом встречи стало частное поместье Вэн Бихуа. По слухам, там как раз пышно расцвели поздние хризантемы, и целью прогулки было любование ими. Древние любили сравнивать цветы с

качествами человека, особенно почитая хризантему за её чистоту и стойкость. Но Е Цзюньшу, едва вспоминал об ином (современном сленговом) значении слова «хризантема», с трудом сдерживал лицо от гримасы. Пришлось долго внушать себе, что здесь нет никаких подтекстов, прежде чем он смог успокоиться.

Когда они прибыли, почти все сокурсники были в сборе, а также пришло человек десять из других классов. Видимо, авторитет Вэнь Бихуа был велик. Между однокашниками царила дружба, разбавленная здоровым соперничеством, но перед лицом учеников из других классов они выступали единым фронтом.

Отношения между разными классами были не самыми теплыми, и оставалось только гадать, как Вэнь Бихуа умудрился всех их пригласить. Сейчас они сидели в саду и вели ожесточенную дискуссию.

Е Цзюньшу поначалу с удовольствием слушал их, оставаясь на вторых ролях, как вдруг пламя спора перекинулось и на него.

— Интересно, а что по этому поводу думает брат Цзычжоу?

<http://bllate.org/book/15226/1411551>